

⁶ Р. И. Власова. Керенский кисти Репина // Наше наследие. 1996. № 38. С. 41–43; она же. И. Е. Репин. Портрет А. Ф. Керенского // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы: Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб., 1997. С. 18–27.

⁷ Приведем статьи Р. И. Власовой, посвященные творчеству С. Б. Вирсаладзе: Творческий расцвет «Легенды о любви» // Балет. 1994. № 4. С. 32–34; Опера Рихарда Вагнера «Лозитрин» в оформлении Симона Вирсаладзе // Журнал любителей искусства. 1997. № 2–3. С. 87–92; Кировский театр. Симон Вирсаладзе в содружестве с Вахтангом Чубукиани // Журнал любителей искусства. 1997. № 6–7. С. 116–122; С. Б. Вирсаладзе. Возрождение шедевров балетной классики на сцене Кировского театра // Журнал любителей искусства. 1997. № 8–9. С. 122–127; Опера «Дон Жуан» В.-А. Моцарта в оформлении С. Б. Вирсаладзе // Журнал любителей искусства. 1997. № 10–11. С. 117–121. С. Б. Вирсаладзе и «Каменный цветок» // Журнал любителей искусства. 1998. № 1. С. 111–117.

⁸ Власова Р. И. Иллюстрации и художественное оформление очерков Н. И. Кутепова «Царская и императорская охота на Руси» // Петербургский Рериховский сборник. IV. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 568–575.

⁹ Власова Р. И. Работы А. П. Рябушкина для художественного альбома коронации в Москве 1896 г. // Мир музея. 1992. Январь-февраль; она же. Чтобы душа не оскудела // Слово. 1994. № 9–10. С. 62–66; она же. Картины А. П. Рябушкина «Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)» и «Едут» // Российская академия художеств. Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. К исследованию русского изобразительного искусства XIX–начала XX века: Сб. науч. тр. СПб., 1998. С. 24–32; она же. Из ученических лет А. П. Рябушкина // Российская академия художеств. Санкт-Петербургский гос. академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. К исследованию русского изобразительного искусства: Сб. науч. тр. Часть II. СПб., 1999. С. 48–55.

Р. И. ВЛАСОВА

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ РЯБУШКИН. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВВЕДЕНИЕ

Среди людей, хотя бы отдаленно причастных к искусству, сейчас не найти такого, кто усомнился бы в высоких творческих достижениях Андрея Петровича Рябушкина, для кого не была бы очевидна яркость и оригинальность его дарования. Однако, как это, увы, часто случается в судьбе талантов, прижизненная слава Рябушкина прокладывала себе путь нелегко, запаздывала, изменяла ему. Да и к его художественным победам нередко примешивалась горечь непонимания, даже осуждения, тем более досадных, что они возникали не только в кругу чужих людей, но и среди друзей. Для того чтобы не сбиться с обретаемого пути, требовались большое мужество, твердость духа, вера в правду того, что он искал, что создавал в искусстве. Все это было у Рябушкина, удивительно сочетаясь с хрупкостью его натуры.

...Невысокий, пропорционально сложенный; бледное лицо, обрамленное русой бородкой, густые мягкие белокурые волосы, всегда немного взлохмаченные; кроткое выражение глаз, изящная линия носа и рта; тонкие нервные пальцы, некоторая застенчивость и постоянная чуть напряженная полуулыбка. Таким помнился он людям, жившим с ним рядом, таким его оставила нам их память... Андрей Петрович, художник с ласковой фамилией Рябушкин.

В неуклонном следовании своим идеалам главную опору он находил в безграничной любви к искусству. В сущности, жизнь его сводилась к творчеству, и творчество было для него жизнью. Рябушкин остался бобылем, но жалел ли он о своем одиночестве? Трудно ответить на этот вопрос, особенно при недостатке фактических сведений. Быть может, сокровенность творческого процесса приносила Рябушкину чувство полноты жизни, но все же горчинку от своего одиночества он, вероятно, ощущал в душе. Думается, она наносила вред, вернее, ущерб Рябушкину-человеку, чувства же